

ЭПИСТОЛОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

§ 1. Постановка проблемы. Письма как исторический источник требуют особой методики в их изучении, что диктуется неповторимыми особенностями этой разновидности письменных памятников.

Во-первых, специфика писем заключается в ярком проявлении субъективного восприятия событий. Сугубо личное восприятие и оценка фактов накладывают неизгладимый отпечаток на письма. Это убеждает, с одной стороны, в огромной значимости данного вида источников, который помогает раскрыть многие стороны общественной жизни, ускользающие от исследователя, если он игнорирует письма. Но, с другой стороны, переписка требует к себе более критического отношения, нежели другие типы источников, именно в силу большего проявления в ней субъективного мировосприятия. Однако если к переписке следует подступать со знанием **специфики содержания** ее, то это означает, что должна быть разработана методика эпистолологического исследования. Игнорирование данной специфики скроет от нас многие секреты писем как исторического источника.

Во-вторых, каждая эпоха и каждый период накладывают отпечаток не только на содержание, но и на **форму** писем. Особенно это необходимо подчеркнуть в отношении античных и средневековых писем, которые, согласно теории эпистолярного стиля того времени, выполняли особую функцию, несли специфическую нагрузку и должны были составляться по специально разработанным правилам искусства письма. Поэтому к письмам античности и средневековья невозможно подходить с меркой современных представлений о письме. **Специфика исторической формы** писем должна учитываться исследователем, что поможет более правильно оценить переписку.

В-третьих, письма относятся к числу наиболее трудных для изучения источников. Много из сказанного в письме было предназначено лишь для адресата, причем вольно или невольно говорилось так, чтобы посторонний не мог понять смысла написанного. Большие затруднения вызывает отсутствие даты, подписи, инскрипта в греческих письмах. Ориентация в письмах на стереотипные эпистолярные формулы в соответствии с требованиями теории эпистолярного стиля нередко заставляла ученых скептически относиться к переписке как историческому источнику. Однако это обманчивое впечатление. Необходимо было

найти особый ключ к тайнам письма. На современном этапе развития исторической науки появляется потребность комплексного изучения актуальных проблем с привлечением различных типов письменных источников. Поэтому особенно сейчас, когда основная масса писем еще не вовлечена в научный оборот, необходимо вооружить исследователей эпистолологическими приемами изучения во избежание стереотипного подхода к такому специфическому источнику, как письма.

Назревшая необходимость отпочкования **эпистолологии как вспомогательной исторической дисциплины** диктуется методологическими предпосылками, а не аксиологическими соображениями. Выделение эпистолологии — это результат неизбежной и все более углубляющейся специализации отдельных частей исторической науки. «Можно привести много примеров совсем недавно зародившихся и еще зарождающихся новых научных дисциплин... Этот процесс идет и будет, вероятно, идти в возрастающем темпе»¹.

Эпистолология является **новой научной дисциплиной**². Она изучает основные **особенности содержания и формы писем** различных эпох. Целесообразнее сначала исследовать специфику писем до нового времени, а впоследствии — вплоть до наших дней. Эпистолология относится к более частным вспомогательным историческим дисциплинам по сравнению с источниковедением, а именно к той группе, в которой каждая дисциплина связана со всесторонним изучением определенного вида источников с точки зрения основных особенностей их содержания и формы. К этой группе относятся геральдика, нумизматика, сфрагистика, дипломатика.

Эпистолология призвана разработать, с одной стороны, методику исследования писем как исторического источника, при этом решаются теоретические задачи разработки методики: 1) отчленения писем от всех других видов исторических источников; 2) датировки писем по совокупности эпистолографических признаков; 3) введения переписки в научный оборот.

С другой стороны, эпистолология решает практические, а именно конкретно-исторические задачи: 1) непосредственное вычленение переписки; 2) разработка архитектоники переписки; 3) введение эпистолярного наследия в научный оборот.

Отмеченные задачи являются сугубо эпистолологическими. В то же время при решении других вопросов, связанных с изучением источника, эпистолология может использовать как данные других вспомогательных исторических дисциплин (источниковедение, палеография, дипломатика, хронология, метрология, текстология, просопография, геортология), так и общеисторические сведения.

Конечная цель эпистолологии — ввести в научный оборот переписку как исторический источник. Специфические приемы выявления и обработки писем помогут исследователю более объективно раскрыть значимость источника.

Следует подчеркнуть необходимость решения задач эпистолологии именно в той последовательности, в какой они зафиксированы выше, что обусловлено зависимостью выполнения всякой последующей задачи

от завершения предшествующей. Вместе с тем каждая теоретическая поэтапная разработка взаимосвязана с соответствующей практической (иными словами, конкретно-исторической) задачей эпистолологии. Исходя из этого, можно говорить в целом о трех ступенях эпистолологического исследования, на каждой из которых поставленная цель решается как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Названные стадии в обработке эпистолярного наследия можно обозначить как апохóрисис (гр. ἡ ἀποχóρισις — отделение, разделение), про-έлевсис (гр. ἡ προέλευσις — возникновение), эфáрмосис (гр. ἡ ἐφαρμοσις — применение).

Основными источниками в эпистолологии являются сами письма (не нужно забывать также руководства для написания писем, т. е. письмовники). Поэтому изучение переписки начинается с ее эвристики. Первое впечатление, что не так уж трудно отличить письмо от грамоты, речи или любого другого источника, оказывается обманчивым. На практике исследователи нередко включают в группу писем самые разнородные источники или, напротив, исключают из этой группы в ряде случаев собственно письма (см. § 2). В специальной литературе отсутствует дефиниция письма и не разработаны критерии для отнесения источников к группе писем. В своей практической работе исследователь сталкивается с фактами такого рода, когда в публикациях писем встречаются произведения, относимые издателем к письмам, хотя они не являются таковыми. Иногда же письма выходят в свет под любыми другими названиями, кроме писем, что может ввести исследователя в заблуждение. Природу любого источника, относимого или неотносимого к письмам в публикациях, необходимо исследовать **в каждом конкретном случае**.

Думается, что особого внимания заслуживает разработка основных понятий эпистолологии как новой вспомогательной исторической дисциплины.

Понятие «эпистолография» используется обычно для наименования одного из жанров литературы, именно эпистолярной. «Под именем эпистолографии,— пишет И. Сикутрис,— мы объединяем те произведения античной литературы, которые составлены в форме письма»³. Н. Б. Томадакис расширяет хронологические рамки, включая сюда и эпистолярную литературу средневековья, и в то же время неотъемлемой частью эпистолографии считает письмовники⁴. Советские ученые понимают под эпистолографией «литературу писем»⁵. Эпистолярное наследие того или иного этапа можно называть эпистолографией, перепиской, эпистолярной литературой, письмами, литературой посланий, литературой писем и т. п. Соответственно авторов писем можно по традиции именовать эпистолографами. Специалистов по эпистолологии следует называть эпистолологами.

Научной методологической основой для разработки эпистолологии является диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинская теория исторического развития, которая служит исследователю прежде всего как «руководство к изучению»⁶.

В эпистолологических изысканиях историк должен отчленить прежде всего письма от всех других источников, причем сделать это наиболее скрупулезно, ибо «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого исключения*»⁷.

Изучение фактического материала переписки должно базироваться на основе принципа историзма, с учетом «основной исторической связи»⁸. По словам В. И. Ленина, «диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении»⁹. Письма должны изучаться в их историческом развитии не только с точки зрения содержания, но и формы.

Эпистолология не может отрывать изучение писем от **конкретно-исторического этапа в истории общества**. В перспективе эпистолология выявит закономерности в развитии собственно писем как источника в различные эпохи, однако прежде всего необходимо исследовать отдельные этапы и периоды.

Эпистолологии необходимо выработать принципы типологической классификации для выявления закономерностей и в то же время особенностей в развитии эпистолярного творчества в тот или иной период в том или ином регионе. В свою очередь, каждый этап в эволюции писем не следует трактовать как нечто застывшее, неизменное, необходимо уловить его движение, обновление, различая главное и второстепенное в основной исторической связи.

На современном уровне развития эпистолологии, когда еще не изучены особенности содержания и формы переписки не только той или иной эпохи, не только того или иного периода, но даже того или иного этапа, необходимо проводить исследование писем прежде всего в рамках определенного конкретно-исторического этапа в истории того или иного общества. Более обобщающие работы возможны лишь на последующей стадии развития эпистолологии (изучение периодов на базе конкретного исследования отдельных этапов).

Эпистолологическое исследование необходимо начать с разработки **основ методики изучения особенностей содержания и формы эпистолярного наследия определенного конкретно-исторического этапа в истории того или иного общества**. Эту проблему в конкретно-историческом плане целесообразнее всего будет решить на примере поздневизантийского этапа.

Во-первых, трудоемкая и многогранная проблема конкретно-исторического содержания эпистолярного наследия Византии начала XIII — середины XV в. и теории и практики поздневизантийского эпистолярного стиля до сих пор не служила еще темой специального систематического исследования как в советской, так и в зарубежной историографии.

Во-вторых, в историографии настойчиво подчеркивается необходимость исследований греческой литературы средневековья, в том числе поздневизантийской. Подчеркнем, что первыми выдвинули мысль о важности подобных разысканий русские академики В. Г. Васильевский и А. А. Куник, которые еще в 1894 г. писали в Академию наук: «Одной из первых задач византологии... является собирание точных сведений

и определение — по возможности — хронологическое дошедших до нас византийских писем»¹⁰.

На III Международном конгрессе византистов (Афины, октябрь 1930) с докладом «Проблема византийской эпистографии» выступил греческий ученый И. Сикутрис, который заявил, что эпистография Византии несправедливо рассматривается как скудный источник и не осознается ни в литературном плане, ни в самостоятельном культурно-историческом значении. Особо в докладе было отмечено то, что отсутствует дельная, соответствующая сегодняшнему уровню исследования библиография¹¹. Вслед за И. Сикутрисом Ф. Дэльгер констатировал, что груды византийских писем доньше остаются без внимания¹². Однако, по его мнению, достоин внимания призыв серьезнее, чем было доньше, взяться в литературном отношении за учение византийской эпистографии¹³. В работе П. Энепекидиса «Переписка мистика Николая Кавасилы»¹⁴ в особом разделе, посвященном литературной оценке византийской эпистографии, выдвигается пожелание большего внимания к этому жанру¹⁵.

В 1953 г. остро, но справедливо прозвучал в сборнике «Византийский временник» тезис С. В. Поляковой о том, что «история византийской литературы принадлежит к числу наименее разработанных разделов истории греческого средневековья»¹⁶. Эту мысль разделяет и Г. Карлссон: «Почти полное отсутствие конкретных исследований, может быть, явится немедленным стимулом к началу исследования эпистолярной греческой литературы средневековья»¹⁷. Профессор Лондонского университета Р. Браунинг выдвигает в качестве актуальной и такую задачу: «Следует составить подробный перечень писем с кратким изложением содержания каждого из них и сведениями, на основании которых может быть установлена их дата»¹⁸. Необходимость дальнейшего исследования проблем византийской литературы подчеркивается в фундаментальных историографических трудах О. Л. Вайнштейна и З. В. Удальцовой¹⁹.

В-третьих, исследование поздневизантийского эпистолярного наследия дает возможность проследить как генетические связи поздневизантийского этапа с позднеантичным, так и выделить индивидуальные черты византийской переписки XIII — первой половины XV в. по сравнению с соответствующим периодом в истории Италии, Франции и Германии.

В-четвертых, актуальность исследования поздневизантийского этапа в развитии эпистолярного творчества связана с необходимостью не только резкого размежевания с буржуазной историографией по принципиальным вопросам подхода к изучению эпистолярных памятников, но и наступательной критики ее.

§ 2. Историографический обзор. В историографии (в марксистской, с одной стороны, и в буржуазной — с другой) существуют принципиальные расхождения в методике изучения поздневизантийского эпистолярного наследия.

I. Историки-марксисты исследуют прежде всего содержание, характер переписки, буржуазные же авторы подходят к письмам с точки

зрения изучения формы, считая это первостепенной задачей. Такой подход был свойствен работам Дж. Фонтанини²⁰ и А. Габриэлли²¹, Л. Рокингера²², Г. Баэрвальда²³, В. Ваттенбаха²⁴ и А. Бютова²⁵, Н. Валуа²⁶, Ш. В. Ланглуа²⁷ и Л. Кутюра²⁸, которые начали исследование в общем виде архитектоники итальянских, немецких и французских писем XI—XV вв. Более основательно изучена форма греческого письма эллинистического и позднеантичного времени²⁹, хотя буржуазным авторам так и не удалось установить четкие признаки эпистолярной формулы.

Х. Коскенниemi попытался дать в противопоставлении дефиниции эпистолярной «формулы» и эпистолярной «фразы». «Формула», по его мнению,— традиционное высказывание³⁰, стереотипный способ выражения³¹, сжатая форма³², постоянная фразеологическая форма³³, для постоянной формулы характерно типичное слово³⁴. Фраза— это высказывание на определенную тему в более свободной форме³⁵, для фраз характерно сходство выражения в определенных местах³⁶, фразу отличает стержневое слово³⁷. Но вместе с тем некоторые формулы могли выступать в бесчисленных письмах одновременно как фразы³⁸, существовали широкие постоянные фразы³⁹, а также фразы, тождественные формулам⁴⁰. Если фразы похожи одна на другую, то можно говорить о постоянной формуле⁴¹. Так, разграничивая **теоретически** в своей работе устойчивые семантические сочетания на формулы и фразы, Х. Коскенниemi **фактически** опроверг свой исходный тезис.

Важным шагом в изучении античного эпистолярного наследия явилась коллективная работа советских авторов «Античная эпистолография»⁴². Здесь дана характеристика античных теорий эпистолярного стиля и исследовано содержание переписки ряда античных авторов.

Помимо только что указанных трудов, которые будут использованы при сравнительном анализе поздневизантийского этапа в развитии писем с античным и западноевропейским периодом XI—XV вв., следует назвать и те работы, которые посвящены в той или иной мере византийскому наследию IV—XII вв. (о работах, касающихся тех или иных сторон византийской переписки XIII—первой половины XV в., см. далее). И здесь также чувствуется противоположный подход к переписке. Если работы буржуазных авторов преимущественно исследуют форму писем (Л. Брейе⁴³, Г. Карлссон⁴⁴, Ф. Дэльгер⁴⁵), то марксистские труды— содержание переписки (М. А. Шангин⁴⁶, Вс. Николаев⁴⁷, М. В. Левченко и Я. Н. Любарский⁴⁸).

Для буржуазных авторов характерно абсолютизирование отдельных наблюдений, касающихся содержания переписки, распространение их на все византийские письма. По мнению Г. Хунгера, просопография и личные отношения автора являются единственными признаками корреспонденции, связывающими ее с современностью, для всех писем характерны деконкретизация и отсутствие конкретных исторических дат⁴⁹.

Содержание византийского эпистолярного наследства изучено крайне неравномерно, однако в марксистской историографии уже можно отметить фиксацию того, что методика обработки и использования эписто-

лярной литературы должна быть насыщена значительно большим критическим элементом⁵⁰.

II. Для марксистской историографии характерен классовый подход к письмам как источнику, выявление прежде всего политической направленности и классовой сущности эпистолярного памятника. Буржуазные авторы этот принцип полностью игнорируют. Вследствие этого буржуазная историография не может дать научной классификации писем как источника. Дж. Каммелли, исследователю методу которого было чуждо признание критериев научной классификации писем, пришел к выводу о том, что содержание переписки Димитрия Кидониса является незначительным, чтобы оправдать самостоятельное ее опубликование⁵¹ (и это сказано об источнике первостепенной значимости!).

Если марксистские историки классифицируют письма в зависимости от происхождения⁵² и содержания⁵³, то в практике буржуазного источниковедения утвердился иной принцип классификации — определяющим критерием здесь является форма письма. Рассмотрим в качестве образца, типичного для буржуазных исследователей, систему классификации античных писем, предложенную И. Сикутрисом. Автор подразделяет письма на частные, литературные, официальные (или служебные), поэтические, фиктивные (которые, в свою очередь, делятся на вставленные, псевдонимные, письма-романы, любовные, мимические или романические), публицистические, поучительные, письма-посвящения, магические, письма «от имени бога», научную литературу в форме писем, апокрифические⁵⁴.

III. Для буржуазной историографии характерно вольное или невольное смещение разнохарактерных периодов в развитии писем, в том числе византийских, стремление начертать единственную не изменяющуюся от времени особенность византийской эпистографии — «внеситуативность» и «деконкретизацию»⁵⁵. Генетически эта концепция восходит к тезису К. Крумбахера и К. Дитериха о том, что византийская литература в поступательном развитии не знала существенных сдвигов⁵⁶. Иную позицию занимает А. П. Каждан, который справедливо, с нашей точки зрения, подчеркивает, что «деконкретизация» письма в византийское время все же не оставалась абсолютом⁵⁷.

Адептом идеи неизменности эпистолярной теории выступал Л. Рокингер, который подчеркивал, что эта теория «в течение столетий сохранялась в письмовниках как основа и, в сущности, в течение всего средневековья оставалась без существенного изменения»⁵⁸. Тезис о существовавших тысячелетия старых эпистографических правилах выдвинул в последнее время Г. Хунгер⁵⁹. Обобщающие оценки буржуазной историографии являются не только произвольными, так как им не предшествуют конкретно-эпистолологические исследования, но неприемлемыми прежде всего вследствие полного игнорирования принципа историзма.

IV. В буржуазной историографии можно проследить забвение четких признаков писем. Не случайно В. Шубарт пришел к выводу о том, что византийским письмам (правда, на основе писем на папирусах)

«недостает всего того, большей частью, что характеризует письмо»⁶⁰. Исследователи не считают нужным приводить доводы в пользу отнесения письма к тому или иному виду источников. Письмо Мануила II Палеолога к республике Сиены (от 12.IX.1399)⁶¹ С. Ламброс обозначает как *gramma*⁶², Л. Молер как *ein Schreiben*⁶³, Ф. Дэльгер как *ein lateinisches Prostagma*⁶⁴, Г. Мюллер⁶⁵ и Н. Йорга⁶⁶ как документ. Ж. П. Минь считает письмом (*epistola*) *pittakion patriarchicon*⁶⁷, относит к письмам *logos encomiasticeos*⁶⁸, под рубрикой "*Epistolae domini Barlaam episcopi Syracensis*" помещает *logos peri tes tou Papa 'arches*⁶⁹. Под заглавием "*Epistolae*" в «Патрологии» Ж. П. Миня находятся не письма⁷⁰. *Pittakion* патриарха Григория II Кипрского⁷¹ назван Минем "*Epistola ad Andronicum imperatorem*"⁷². В разделе "*Cardinalis Bessarionis Orationes ad principes Italiae*"⁷³ Ж. П. Минь публикует *Bessarionis epistola ad Fichetum*⁷⁴ и *epistola Ficheti*⁷⁵. Сочинение Феодора Газа «О происхождении турок»⁷⁶ Минь не считает письмом⁷⁷. И. Ирмшер также не относит к письмам это сочинение⁷⁸. Однако Л. Аллаций считал эту работу письмом⁷⁹. Письмо Андроника Каллиста к Георгию Палеологу Дисипату⁸⁰ Бэрнер и Харлес рассматривали как *oratio*⁸¹, однако Ж. П. Минь прав, определяя этот источник как *epistola*⁸². Дж. Каммелли⁸³ не считает, вопреки издателю⁸⁴, письмом сочинение Дмитрия Кидониса "*Топ мен Hesiodon*". В специальной литературе встречается лишь в качестве исключения единственная попытка отчленивать практически письмо от акта. Это замечание Ф. И. Успенского об *epistola* патриарха Никифора⁸⁵, которую исследователь считает актом, так как в конце *epistola* имеется приписка: «извлечено из журналов синодских деяний и подписью и печатью заверено»⁸⁶. Однако приведенное замечание Ф. И. Успенского не отвечает на вопрос, чем же отличается официальное письмо от грамоты. К отождествлению диплома и письма склоняются Ф. Дэльгер⁸⁷ и П. Иоанну⁸⁸. Однако это означает не видеть иной структуры и специфического значения дипломов.

В советской историографии предпринимались попытки определить понятие «письмо», иными словами, выявить характерные признаки его. Однако подобные намерения приводили лишь к появлению самых общих суждений. Т. А. Миллер говорит о трех звеньях эпистолярной ситуации (автор — сообщение — адресат)⁸⁹. Подобного же мнения придерживается и Т. В. Попова, определяя письмо как звено в переписке двух лиц⁹⁰. Такие тезисы не вскрывают отличия письма от грамоты, ораторской речи, мантирии, энкомия, от произведений «в форме писем». Критерии для отнесения источников к группе писем остаются невыясненными. Совершенно не случайно поэтому Т. В. Попова относит «к эпистолярному жанру» не только сочинения, выступающие как «звено в переписке двух лиц», «но и такие произведения, формальные и порою даже смысловые признаки которых выходят за пределы этого жанра»⁹¹.

По вопросу о значимости эпистолярного наследия поздневизантийских авторов появились три группы общих оценочных суждений.

1. Резко негативную характеристику письмам как источнику дали В. И. Барвинок⁹² и Ф. Дэльгер⁹³.

II. Позднее переписка получила, напротив, самые лестные отзывы со стороны Н. С. Лебедева⁹⁴.

III. В настоящее время бытует сдержанное отношение к литературе писем с учетом их содержания⁹⁵.

В специальной литературе можно наблюдать лишь фрагментарное использование писем, часто случайное, эмпирическое; попытки привлечь письма того или иного эпистолографа в совокупности являются исключением. Назовем прежде всего работу Ж. Верпо «Никифор Хумн — византийский государственный деятель и гуманист»⁹⁶ (особенно главу I, § 1 «Корреспонденция Никифора Хумна — зеркало общества»).

В зависимости от целей специальных трудов и количества привлеченных для исследования поздневизантийских писем следует расчленить работы историков на четыре группы.

I. По значимости на первое место поставим труды, привлекавшие данные переписки при рассмотрении общего положения в Константинополе конца XIV в.⁹⁷, некоторых сторон деятельности того или иного императора⁹⁸, взаимоотношений византийцев с турками⁹⁹, истории математики¹⁰⁰, роли литургии¹⁰¹.

II. Ряд работ посвящен палеографическому описанию рукописей, содержащих письма¹⁰², датировке отдельных писем¹⁰³, выяснению адресатов¹⁰⁴, условиям появления конкретных писем¹⁰⁵.

III. Особую группу составляют работы общего литературоведческого характера или дающие общую оценку византийской эпистолярной литературе. Из работ буржуазных авторов следует назвать труды К. Крумбаха¹⁰⁶, К. Дитериха¹⁰⁷, Ф. Дэльгера¹⁰⁸, Г.-Г. Бекка¹⁰⁹. Типичной для этих трудов является неглубокая, самая общая и тривиальная оценка эпистолярного наследства. По мнению К. Дитериха, переписка в значительной степени связана с жизнью государства и общества¹¹⁰. По словам Г. Л. Ф. Тафеля, она может возместить отсутствие трудов византийских историков¹¹¹. О. Тафрали писал, что известна «богатая переписка» фессалоникийцев¹¹².

Содержание книги профессора Афинского университета Н. Б. Томадакиса «Византийская эпистолография»¹¹³ значительно уже ее названия. Эта работа совершенно не затрагивает вопроса о теории и практике поздневизантийского эпистолярного стиля. Большую часть книги составляют публикации текстов писем в разделах «Антология византийской эпистолографии» и «Добавление»¹¹⁴, содержание которых к тому же не всегда соответствует хронологическим рамкам истории Византии. Первая часть книги, озаглавленная «О византийской эпистолографии»¹¹⁵, подразделяется на два раздела. Первый «Теория эпистолографии»¹¹⁶ написан на основе известных письмовников II в. до н. э. — IV в. н. э. Второй раздел «Обзор византийских эпистолографов»¹¹⁷ представляет перечень имен 126 эпистолографов Византии и других стран с указанием некоторых изданий писем и специальной литературы (очень кратко). Из поздневизантийского времени здесь фиксируется только несколько эпистолографов. В книге упущено изложение истории поздневизантийской эпистолярной литературы (эпистолографию автор рассматривает как жанр литературы)¹¹⁸.

Из работ советских историков можно назвать первый сводный труд советской историографии по истории византийской литературы — монографию С. Г. Каухчишвили¹¹⁹, однако здесь литература XIII—XV вв. в целом трактуется лишь на двух с половиной страницах. Далее укажем статью Т. В. Поповой «Византийская литература XIII—XV вв.» Но и в этой работе характеристике писем почти не уделено внимания, за исключением двух мест¹²⁰, где к тому же содержится ряд неточностей. Обобщающий очерк Т. В. Поповой «Византийская эпистолография»¹²¹ ставит целью осмыслить «основной путь развития эпистолярного жанра в византийской литературе» и рассмотреть «некоторые существенные его особенности в каждый из намеченных периодов»¹²². Статья Т. В. Поповой содержит следующие принципиальные недочеты: а) периодизация развития эпистолярного жанра не согласуется в работе с марксистско-ленинской периодизацией истории Византии; б) неприемлемым является положение о «деконкретизации» содержания писем как «главном признаке» византийского эпистолярного жанра (хотя автор ограничивает «период деконкретизации» X—XIV вв.)¹²³; в) критерии для вычленения этапов в эволюции эпистолярного жанра расплывчаты, нечетки (это либо изменения во внешней типологии писем¹²⁴, либо превалирование формы над содержанием в ущерб ему¹²⁵, либо отношение к наследию античной культуры¹²⁶, либо характер содержания переписки¹²⁷). Стирается грань между этапами, если какой-либо из этих признаков присущ ряду этапов¹²⁸; г) фактический материал по вопросу о наличии некоторых стереотипных формул исключительно иллюстративен¹²⁹ и в силу неполноты и случайности не может привести к обоснованным выводам. Литературоведческий характер статьи Т. В. Поповой, нарушение принципа историзма в изложении фактов, иллюстративный метод подачи материала, обилие трюизмов, некритическое отношение к буржуазной историографии доказывает еще раз необходимость серьезного изучения византийского, в том числе поздневизантийского, эпистолярного наследия.

IV. Самую большую в количественном отношении группу составляют труды, в которых содержатся краткие указания на важность или отсутствие значимости а) переписки того или иного автора; б) отдельного письма.

С одной стороны, резко бросается в глаза противоречивость в оценке историками эпистолярного творчества группы византийцев XIII — середины XV в. Сп. П. Ламброс (1892) отмечал особую ценность писем Димитрия Кидониса¹³⁰, однако Дж. Каммелли (1927) был совершенно разочарован содержанием писем Кидониса¹³¹. В 1967 г. Е. Э. Липшиц вновь относит переписку Кидониса к разряду первостепенных источников¹³². Если Ф. И. Успенский (1881)¹³³, А. Гейзенберг (1896, 1900)¹³⁴ и В. И. Барвинок (1911)¹³⁵ называли письма Никифора Влеммида бесцветными, малосодержательными, не затрагивающими почти никаких вопросов, иногда непонятными даже по смыслу, позволяющими историку делать на основании их лишь предположения, то, по словам Н. Н. Соколова (1912)¹³⁶, скептическая оценка переписки Влеммида не оправдывается. А. И. Пападопуло-Керамевс (1899)¹³⁷ и А. Гейзенберг (1900)¹³⁸

были разочарованы скудостью исторических сведений в переписке Феодора II Ласкариса, однако И. Пападопулос (1908)¹³⁹ в целом благоприятно оценил эпистолярное наследие этого императора. Вскоре В. И. Барвинок (1911)¹⁴⁰ вновь заявил о том, что письма Феодора II Ласкариса малопригодны для историка. По словам К. Крумбахера (1897), Феодор Гиртакин блещет бедностью мысли и безвкусицей¹⁴¹. Г.-Г. Бекк (1959) также убежден в этом, когда пишет, что Гиртакин «занимает плачевное место в истории эпистолографической литературы византийцев»¹⁴². Однако Е. Э. Липшиц подчеркивает, что в переписке Феодора Гиртакина содержатся сведения об обычном школьном обучении, о трудном материальном положении учителей¹⁴³.

С другой стороны, наблюдается довольно прямолинейная (или резко негативная, или, наоборот, позитивная) оценка поздневизантийских авторов писем. А. А. Васильев совершенно отрицал какое-либо значение ста изданных писем Димитрия Хрисолоры¹⁴⁴. М. Трой¹⁴⁵ и К. Крумбахер¹⁴⁶ обратили внимание читателя на довольно бедные по содержанию письма Константина Акрополита в рукописи Cod. Ambros. N 81 Sup. П. Маас называл переписку Георгия Лакапина и Андроника Зариды бессодержательной, считая, что в ней преобладает тривиальный грамматический комментарий¹⁴⁷. Эпистолярное творчество ряда византийских авторов получило единодушно положительную оценку. В таком духе высказались о Мануиле II Палеологе Сп. П. Ламброс¹⁴⁸, А. Горнфельд¹⁴⁹, А. П. Каждан¹⁵⁰, о Никифоре Хумне — А. Горнфельд¹⁵¹, Ж. Верпо¹⁵², И. Шевченко¹⁵³, об Афанасии I — А. П. Лебедев¹⁵⁴, Р. Гийан¹⁵⁵, Н. Банеску¹⁵⁶, Г.-Г. Бекк¹⁵⁷.

В специальных трудах содержатся также оценки отдельных писем (в том числе в резко категорической форме). Письмо Равды к «философу Андрею Зариде» К. Крумбахер называет «совершенно бессодержательным»¹⁵⁸. С другой стороны, подчеркивается важность некоторых писем Феодора II Ласкариса (Р. Гийаном¹⁵⁹), Никифора Влеммида (В. И. Барвинком¹⁶⁰, М. А. Андреевой¹⁶¹, Э. Гликаци-Арвейлер¹⁶²), Фомы Магистра (К. Крумбахером¹⁶³).

Наряду с прямолинейной оценкой эпистолярного наследия поздневизантийских авторов (и поэтому отчасти противоречивой) пробивала себе дорогу более осторожная, пытавшаяся учитывать в какой-то мере сильные и слабые стороны переписки. Неодинаковую значимость писем Франческо Филельфо отметил К. Хартфельдер¹⁶⁴, в отношении переписки других авторов эту мысль подчеркивали И. Сикутрис¹⁶⁵, Р. Гийан¹⁶⁶, А. П. Каждан¹⁶⁷.

Отмеченная противоречивость как в общей оценке поздневизантийской эпистолографии, так и в оценке историками творчества отдельных поздневизантийских авторов писем побуждает поставить два вопроса: 1) каковы научные критерии оценки эпистолярного наследия? 2) каковы причины противоречивой оценки переписки в историографии?

Если ответ на первый вопрос требует особого рассмотрения, то ответить на второй необходимо тотчас же в силу его историографического характера. Поразительные противоречия при оценке переписки не случайно свойственны именно работам буржуазных авторов. Это

объясняется прежде всего иной методологической позицией последних, о чем шла речь, а также методическими просчетами — буржуазные исследователи пытались выяснить общую значимость переписки а) до конкретного изучения ее содержания; б) не учитывая специфики переписки как источника (сугубо личный, доверительный характер, личное восприятие и отношение к событиям, стремление быть понятным лишь адресату), что дало бы возможность глубже понять его; в) принимая во внимание только те вопросы, которые интересовали исследователей в данный момент, но не учитывая, что письма могли бы по-новому открыться для решения каких-либо иных вопросов; г) игнорируя специфику методики вовлечения переписки в научный оборот.

Итак, в современной историографии отсутствует трактовка эпистологии как вспомогательной исторической дисциплины со специфической методикой использования эпистолярного наследия. Не разработан критерий отчленения писем от всех других видов источников, не выявлены в совокупности поздневизантийские авторы писем и не вычленена их переписка из совокупности письменных источников. Не исследованы вопросы теории и практики поздневизантийского эпистолярного стиля, что важно для изучения архитектоники писем, а последнее, в свою очередь, для разработки методики датировки писем по совокупности эпистографических признаков. Поздневизантийское эпистолярное наследие в совокупности еще не использовалось для анализа узловых вопросов социально-экономической и политической истории общества. Не решен вопрос, как дойти до реального содержания переписки, охватить его, понять, не упустить. Вместе с тем встает вопрос о критериях оценки эпистолярного наследия, о новом отношении к письмам как специфическому источнику, отличающемуся от всех других типов письменных источников¹⁶⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Академик Н. А. Доллежалъ. Ученый и эпоха.— «Правда», 1973, 7 июля.

² В. А. Сметанин. Эпистолография. Свердловск, 1970. См. рецензии и заметки об этой книге: С. Н. Лишев.— ИП, год. XXVI, 1970, кн. 6, с. 108—109; R. Brown—BZ, Bd. 64, 1971, H. 1, S. 148; A. Garzya.—Le parole e le idee, v. XIII, 1971, p. 399—400; A. P. Kazdan.—BS, v. XXXII, 1971, fasc. 2, p. 370. См. также: В. А. Сметанин. Из истории эпистолографии.— ВП, 1971, № 1, с. 212—216.

³ J. Sykutris. Epistolographie.— RE, Supplementband V. Stuttgart, 1931, S. 186; ср.: eiusdem. Probleme der byzantinischen Epistolographie.— Actes du IIIme Congrès international d'études byzantines. Athènes, 1932, p. 295, где И. Сикутрис определяет византийскую эпистолографию как византийскую литературу писем, отдельный жанр литературы.

⁴ N. B. Tomadakes. Byzantine epistolographia. Eisagoge, keimena, catalogos epistolographon. En Athenais, 1955, s. 12—16.

⁵ Античная эпистолография. Очерки. М., 1967, с. 4; А. П. Каждан. Книга и писатель в Византии. М., 1973, с. 133; Византийская литература. М., 1974, с. 22—23, 181.

⁶ Ф. Энгельс. Письмо Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 371.

⁷ В. И. Ленин. Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

⁸ В. И. Ленин. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

⁹ В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина.— Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

- ¹⁰ В. Г. Васильевский, А. А. Куник. Записка о составлении перечня византийских грамот и писем.— «Зап. императ. Акад. наук», т. 75, 1894, с. 98 сл.
- ¹¹ J. Sykutris. Probleme der byzantinischen Epistolographie, S. 295 ff.
- ¹² F. Dölger. Rec.: J. Sykutris. Probleme...—BZ, Bd. 32, 1932, H. 2, S. 396.
- ¹³ Ibid., S. 397.
- ¹⁴ P. Enepekides. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas.—BZ, Bd. 46, 1953, S. 18—46.
- ¹⁵ Ibid., S. 18—28.
- ¹⁶ С. В. Полякова. Рец на кн.: F. Dölger. Die byzantinische Dichtung in der Reissprache. München, 1948.—BB, t. 7, 1953, с. 342.
- ¹⁷ G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle analysés et commentés. Uppsala, 1959, p. 14 (новое издание вышло в 1962 г.).
- ¹⁸ Р. Браунинг. Новые издания неопубликованных византийских источников.—BB, т. 23, 1963, с. 75.
- ¹⁹ О. Л. Вайнштейн. История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968, с. 362; З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 279 (здесь специально оговорено, что «перед советскими специалистами по византийской литературе и средневековой лингвистике стоит еще немало нерешенных проблем»).
- ²⁰ G. Fontanini. Biblioteca dell'eloquenza italiana, v. 1. Venezia, 1753.
- ²¹ A. Gabrielli.—Archivio della Società Romana di Storia Patria, v. 11. Roma, 1888.
- ²² L. Rockinger. Über Formelbücher vom XIII. bis zum XVI. Jahrhundert als rechtsgeschichtliche Quellen. München, 1855; eiusdem. Über die Ars dictandi und die Summae dictaminum in Italien, vorzugsweise in der Lombardei, vom Ausgange des XI. bis in die zweite Hälfte des XIII. Jahrhunderts.—SBAW, historische Klasse, Bd. I, Jahrgang 1861, S. 98—151; eiusdem. Briefsteller und Formelbücher des XI. bis XIV. Jahrhunderts. München, 1863—1864.
- ²³ H. Baerwald. Zur Charakteristik und Kritik mittelalterlicher Formelbücher. Wien, 1858.
- ²⁴ W. Wattenbach. Über Briefsteller im Mittelalter.—«Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen», Bd. XIV, 1885, S. 29 ff.
- ²⁵ A. Bülow. Die Entwicklung der mittelalterlichen Briefsteller bis zum Mitte des XII. Jahrhunderts. Greifswald, 1908.
- ²⁶ N. Valois. De arte scribendi epistolas apud Gallicos medii aevi scriptores rhetoresque. Paris, 1880; eiusdem.—Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1881.
- ²⁷ Ch. V. Langlois. Formulaires de lettres du XIIe, du XIIIe et du XIVe siècle. Paris, 1890—1899.
- ²⁸ L. Couture.—Revue des Questions historiques, janvier, 1891, p. 253—261.
- ²⁹ F. Ziemann. De epistularum graecarum formulis sollemnibus quaestiones selectae. Halle, 1910, p. 324 sqq., 334—365 etc.; H. Koskenniemi. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Ch. Helsinki, 1956.
- ³⁰ H. Koskenniemi. Studien..., S. 78.
- ³¹ Ibid., S. 148.
- ³² Ibid., S. 153.
- ³³ Ibid., S. 78.
- ³⁴ Ibid., S. 82.
- ³⁵ Ibid., S. 78.
- ³⁶ Ibid., S. 73.
- ³⁷ Ibid., S. 78.
- ³⁸ Ibid., S. 144.
- ³⁹ Ibid., S. 64.
- ⁴⁰ Ibid., S. 68.
- ⁴¹ Ibid., S. 82.
- ⁴² Античная эпистолография. Очерки. М., 1967.
- ⁴³ L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950, p. 341—344.
- ⁴⁴ G. Karlsson. Idéologie..., p. 138—141 etc.
- ⁴⁵ F. Dölger. Zur Form des Auslandsschreibens der byzantinischen Kaiserkanzlei.—ЗРВИ, VIII, 1, 1963 (Mélanges G. Ostrogorsky I), S. 83—90.

⁴⁶ М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. — ВВ, т. 1 (26), 1947, с. 235—260.

⁴⁷ В. С. Николаев. Феодальные отношения в покоренной от Византии България, отражены в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1951; Theophylacti Achridensis, archiepiscopi Bulgariae, scripta ad historiam Bulgariae pertinentia, pars prior, elaboravit St. Iv. Maslev. Serdicae, 1974, p. 6—10, 12—15, 83—84 etc.

⁴⁸ М. В. Левченко. Пентаполь по письмам Синезия. — ВВ, т. 9, 1956, с. 3—44; Я. Н. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, т. 30, 1969, с. 73—93; его же. Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд). — «Палестинский сборник», вып. 23, 1971, с. 125—143; его же. Михаил Пселл и Михаил Кируларий. — Klio, Bd, LIV, 1972, S. 351—360; его же. Пселл в отношениях с современниками. — ВВ, т. 34, 1973, с. 72—87; его же. Пселл в отношениях с современниками (Пселл и семья Кирулариев). — ВВ, т. 35, 1973, с. 89—102; его же. К биографии Иоанна Мавропода. — «Byzantinobulgarica», v. IV, 1973, p. 41—51; его же. Византийский монах XI в. Илья (По материалам переписки Михаила Пселла). — АДСВ, вып. 10, 1973, с. 198—202.

⁴⁹ H. Hunger. Johannes Chortasmenos (ca. 1370 — ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969, S. 35.

⁵⁰ Н. С. Лебедев. Византийские источники (Справка). — «Историч. журн.», 1943, № 1, с. 93.

⁵¹ G. Cammelli. Demetrio Cidonio al fratello Procoro. — SBN, v. II, 1927, p. 49 sg.

⁵² А. П. Каждан. Источники. — В кн.: История Византии, т. 3, гл. 1. М., 1967, с. 13.

⁵³ Theophylacti Achridensis, archiepiscopi Bulgariae, scripta..., p. 84.

⁵⁴ J. Sykutris. Epistolographie, S. 186—187, 195—196, 200—216.

⁵⁵ J. Sykutris. Epistolographie, S. 219; K. T. Butler. The gentlest art in Renaissance Italy. London, 1954, p. 19; G. Karlsson. Idéologie..., p. 16; H. Hunger. Johannes Chortasmenos, S. 35.

⁵⁶ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 22, 26; K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902, S. 19 f.

⁵⁷ А. П. Каждан. Рец. на кн.: G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Uppsala, 1962; H. Hunger. Prooimion. Wien, 1964. — ВВ, т. XXVIII, 1968, с. 299.

⁵⁸ L. Rockinger. Über die Ars dictandi und die Summae dictaminum in Italien, vorzugsweise in der Lombardei, vom Ausgange des elften bis in die zweite Hälfte des dreizehnten Jahrhunderts. — SBAW, Bd. I, 1861, S. 111.

⁵⁹ H. Hunger. Johannes Chortasmenos, S. 35.

⁶⁰ W. Schubart. Einführung in die Papyruskunde. Berlin, 1918, S. 212.

⁶¹ Письмо издавалось уже четыре раза: G. Müller. Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'oriente cristiano e coi Turchi. Firenze, 1859, p. 147—148; S. Lampros. — NE, t. VI, 1909, s. 102—103 (к этому дополнения и поправки: NE, t. VII, 1910, s. 90—91 и замечание: P. Marc. — BZ, Bd. XIX, 1910, S. 281); S. Lampros. Bogiatzides. Palaiologeia kai Peloponnesiaca, t. III. Athenai, 1926, s. 120—121; N. Jorga. Deux documents byzantins du XVe siècle. — RHSEE, t. IV, 1927, p. 281—282.

⁶² S. Lampros. Bogiatzides. Palaiologeia..., t. III, s. 120.

⁶³ BZ, Bd. XXVIII, 1928, S. 130.

⁶⁴ Ibid., S. 184.

⁶⁵ G. Müller. Documenti..., p. 147.

⁶⁶ N. Jorga. Deux documents..., p. 281.

⁶⁷ Migne PG, t. CLII, 1866, col. 1358.

⁶⁸ Gregorion logos encomiasticos... — Migne PG, t. CLXI, 1866, col. 731—746 (в разделе: Bessarionis cardinalis Epistolae. — Ibid., col. 675—746).

⁶⁹ Migne PG, t. CLI, 1865, col. 1255—1280.

⁷⁰ Ibid., t. CXLIX, 1865, col. 663—672. Эти труды в оглавлении называются *Opuscula duria* (col. 7—8).

⁷¹ Migne PG, t. CXLII, 1885, col. 267—270.

⁷² Ibid., col. 433—434.

⁷³ Ibid., t. CLXI, 1866, col. 641—646.

- ⁷⁴ Ibid., col. 641—642.
⁷⁵ Ibid., col. 641—646.
⁷⁶ Ibid., col. 997—1006.
⁷⁷ Ср. раздел писем: *ibid.*, col. 1005—1014.
⁷⁸ J. Irmscher. Theodoros Gazes als griechischer Patriot.— В сб.: Тр. XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1962, с. 494.
⁷⁹ L. Allatius. Symmicta sive opuscula graeca et latina, vetustiora et recentiora, pars II. Venetiis, 1733, p. 382.
⁸⁰ Migne PG, t. CLXI, 1866, col. 1017—1020.
⁸¹ Ibid., col. 1015—1016, 1017, nota.
⁸² Ibid., col. 1015—1016, nota a; col. 1017, nota.
⁸³ G. Cammelli. Démétrius Cydonès Correspondance. Paris, 1930, p. XXXIV.
⁸⁴ C.—F. Matthaei. Poikila Hellenica seu Varia Graeca. Mosquae, 1811, p. 254.
⁸⁵ См. издание: ИРАИК, т. 8, 1903, с. 163—171.
⁸⁶ Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 63, прим. 2.
⁸⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 19—24, 90, 150—153, 212—218, 271, 283 etc.
⁸⁸ P. Joannu. Rec.: N. B. Tomadakes. Byzantine epistolographia. En Athenais, 1955.—BZ, Bd. L, 1957, H. 2, S. 438.
⁸⁹ Античная эпистолография, с. 16.
⁹⁰ Византийская литература, с. 181.
⁹¹ Там же, с. 181—182.
⁹² В. И. Барвинок. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 340.
⁹³ F. Dölger. Rec.: J. Sykutris. Probleme...—BZ, Bd. XXXII, 1932, H. 2, S. 396.
⁹⁴ Н. С. Лебедев. Византийские источники, с. 93.
⁹⁵ А. П. Каждан. Источники, с. 13. Подобная тенденция прослеживается уже в работах И. Сикутриса (J. Sykutris. Epistolographie, S. 220).
⁹⁶ J. Verpeaux. Nicéphore Choumnos homme d'Etat et humaniste byzantin (ca 1250/55—1327). Paris, 1959.
⁹⁷ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.—ВВ, т. 1(26), 1947, с. 233—234.
⁹⁸ М. А. Андреева. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927, passim.
⁹⁹ P. Charanis. The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370—1402.—Byz., v. XVI, 1944, fasc. 1, p. 297—298, 308—309, 310—311.
¹⁰⁰ M. Cantor. Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, Bde. I—III. 2. Aufl. Leipzig, 1894 f.
¹⁰¹ S. Antoniadis. Place de la liturgie dans la tradition des lettres grecques. Leiden, 1939.
¹⁰² Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 5. Рукописи XIII в.—ВВ, т. 24, 1964, с. 179—196; *е*е же. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 6. Рукописи XIV в.—ВВ, т. 27, 1967, с. 288.
¹⁰³ G. Mercati. Per l'epistolario di Demetrio Cidone.—SBN, v. III, 1931, p. 201 sg.
¹⁰⁴ P. Nasturel. Sur quelques boyards roumains d'origine grecque aux XIVe et XVe siècles.—REB, v. XXV, 1967, p. 107 s.
¹⁰⁵ A. K. Eszer. Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im XIV. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 212—213, 216, 218—219, 220, 223, 228, 231, 233, 235, 238, 240—241.
¹⁰⁶ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897; *e*iusdem. Die griechische Literatur des Mittelalter.—Die Kultur der Gegenwart, Teil I, Abt. VIII. München, 1912.
¹⁰⁷ K. Dieffenrich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902.
¹⁰⁸ F. Dölger. Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache. München, 1948, S. 7—13; *e*iusdem. Forschungen zur byzantinischen Geschichte, Literatur und Sprache. 1938—1950.—In: F. Dölger, A. M. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 7—252, hic S. 211—213 (Briefliteratur).
¹⁰⁹ H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.

- ¹¹⁰ K. Dieterich. Geschichte..., S. 28.
- ¹¹¹ G. L. F. Tafel. Komnenen und Normannen. Ulm, 1852, S. 115.
- ¹¹² O. Tafrali. Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913, p. II, VIII.
- ¹¹³ N. B. Tomadakes. Byzantine epistolographia. Eisagoge, keimena, catalogos epistolographon. En Athenais, 1955, 151 s.
- ¹¹⁴ Ibid., s. 55—148.
- ¹¹⁵ Ibid., s. 9—54.
- ¹¹⁶ Ibid., s. 11—37.
- ¹¹⁷ Ibid., s. 39—54.
- ¹¹⁸ Ibid., s. 12—16.
- ¹¹⁹ С. Г. Каухчишвили. История византийской литературы. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- ¹²⁰ Т. В. Попова. Византийская литература XIII—XV вв.— В кн.: Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, с. 302—303, 315.
- ¹²¹ Т. В. Попова. Византийская эпистолография.— В кн.: Византийская литература, с. 181—230.
- ¹²² Там же, с. 184.
- ¹²³ Там же, с. 208.
- ¹²⁴ Там же, с. 205.
- ¹²⁵ Там же, с. 218.
- ¹²⁶ Там же, с. 225.
- ¹²⁷ Там же, с. 184, 225.
- ¹²⁸ Там же, с. 193.
- ¹²⁹ Там же, с. 213—214.
- ¹³⁰ Sp. P. Lampros. Byzantinische Desiderata.— BZ. Bd. I, 1892, S. 189.
- ¹³¹ G. Cammelli. Demetrio Cidonio al fratello Procoro.— SBN, v. II, 1927, p. 49 sg.
- ¹³² Е. Э. Липшиц. Наука и образование.— В кн.: История Византии, т. 3, гл. 14. М., 1967, с. 229.
- ¹³³ Ф. И. Успенский. Рец. на кн.: Michael Acominatou tou Choniatiou ta Sozomena, ed. Sp. P. Lampros, t. I—II. En Athenais, 1879—1880. Одесса, 1881, с. 13.
- ¹³⁴ A. Heisenberg. Nicephori Blemmydae Curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896, p. XXXIII—XXXVI; eiusdem.— BZ, Bd. IX, 1900, S. 218.
- ¹³⁵ В. И. Барвинок. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911, с. 340.
- ¹³⁶ Н. Н. Соколов. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Спб., 1912, с. 38.
- ¹³⁷ A. P. - Kerameus. Rec.: N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae CCXVII. Firenze, 1898.— BB, т. VI, 1899, с. 549.
- ¹³⁸ A. Heisenberg.— BZ, Bd. IX, 1900, S. 218.
- ¹³⁹ J. Papadopoulos. Théodore II Lascaris empereur de Nicée. Paris, 1908, p. 162—166.
- ¹⁴⁰ В. И. Барвинок. Никифор Влеммид..., с. 340.
- ¹⁴¹ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 483—485.
- ¹⁴² H. - G. Beck. Kirche..., S. 691.
- ¹⁴³ Е. Э. Липшиц. Наука и образование, с. 222.
- ¹⁴⁴ А. А. Васильев. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403).— ЖМНП, ч. 39, нов. сер., 1912, май, с. 42.
- ¹⁴⁵ M. Treu. Neos codex ton ergon tou megalou logothetou Constantinou tou Acropolitou.— DIEEE, t. IV, 1892, s. 35 hex.
- ¹⁴⁶ K. Krumbacher. Rec.: M. Treu. Neos codex...— BZ, Bd. I, 1892, S. 622.
- ¹⁴⁷ P. Maas. Rec.: Georgii Lacapeni et Andronici Zaridae epistulae XXXII cum epimerismus Lacapeni, ed. S. Lindstam. Gotoburgi, 1924.— BZ, Bd. XXV, 1925, S. 408.
- ¹⁴⁸ Sp. P. Lampros. Byzantinische Desiderata, S. 189.
- ¹⁴⁹ А. Горнфельд. Эпистолярная литература.— Энциклопедический словарь. Под ред. К. К. Арсеньева, т. XL^a. Спб., 1904, с. 923.
- ¹⁵⁰ А. П. Каждан. Источники, с. 13.
- ¹⁵¹ См. прим. 149.
- ¹⁵² J. Verreaux. Nicéphore Choumnos..., p. 65.
- ¹⁵³ I. Sevcenko. Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962, p. 9.

- ¹⁵⁴ А. П. Лебедев. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в. Изд. 2-е. М., 1902, с. 256, прим. 3.
- ¹⁵⁵ R. Guillard. La Correspondance inédite d'Athanase, Patriarche de Constantinople.— *Mélanges Ch. Diehl*, v. I (histoire). Paris, 1930, p. 124.
- ¹⁵⁶ N. Bănescu. Le patriarche Athanase I-er Andronic II Paléologue. État religieux, politique et social de l'Empire.— *Bull. SH*, t. XXIII, 1942, p. 47.
- ¹⁵⁷ H.-G. Beck. Kirche..., S. 692.
- ¹⁵⁸ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 560.
- ¹⁵⁹ R. Guillard. Rec.: S. Antoniadis. Sur une lettre de Théodore II Lascaris. *L'Hellénisme Contemporain*, 2e série, VIII année, 1954, p. 356—361.— *BS*, v. XVI, 1955, fasc. 1, p. 158.
- ¹⁶⁰ В. И. Барвинок. Никифор Влеммид..., с. 344.
- ¹⁶¹ М. А. Андреева. Полемика Феодора II Ласкаря с Никифором Влеммидом.— *Vestník královské České společnosti nauk, třída filosoficko-historicko-jazykozpytná, ročník 1929*. V. Praze, 1930, s. 3.
- ¹⁶² H. Ahrweiler. Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971, IV, p. 60, n. 6.
- ¹⁶³ K. Krumbacher. Rec.: M. Treu. Die Gesandtschaftsreise des Rhetors Theodulos Magistros. *Jahrbuch für classische Philologie, Supplementband XXVII*, H. 1. Leipzig, 1900, S. 1—30.— *BZ*, Bd. X, 1901, S. 318.
- ¹⁶⁴ K. Hartfelder. Rec.: Em. Legrand. Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. Paris, 1892.— *BZ*, Bd. II, 1893, S. 156.
- ¹⁶⁵ J. Sykutris. Epistolographie, S. 220.
- ¹⁶⁶ R. Guillard. Rec.: S. Antoniadis. Sur une lettre..., p. 158.
- ¹⁶⁷ А. П. Каждан. Источники, с. 13.
- ¹⁶⁸ Все перечисленные вопросы специально исследованы в работе: В. А. Сметанин. Эпистолология поздней Византии. Свердловск, 1975, 394 с. (машинопись).